

Благотворительная деятельность купечества
в чрезвычайных ситуациях первой половины XIX в.
(по материалам Казанской губернии)

Н.А. Кореева

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье рассмотрены некоторые аспекты благотворительности купечества в условиях чрезвычайных ситуаций – во время Отечественной войны 1812 г., эпидемий холеры 1830, 1831 гг., голода, казанских пожаров. В освещении этой темы имеются существенные пробелы, несмотря на многочисленные исследования по истории благотворительной деятельности. Наряду с организацией добровольных пожертвований власть практиковала разные методы административного нажима для пополнения казны. За проявление актов милосердия к нуждающимся соотечественникам купцы поощрялись медалями, присвоением званий. Исследование содержит впервые вводимые в научный оборот источники.

Ключевые слова: Казанская губерния, Казань, эпидемия, холера, благотворительность, Отечественная война 1812 г., пожар, купцы.

Для цитирования: Кореева Н.А. Благотворительная деятельность купечества в чрезвычайных ситуациях первой половины XIX в. (по материалам Казанской губернии) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 1. С. 28–39.

Российская империя много раз в течение первой половины XIX в. сталкивалась с чрезвычайными событиями – войнами, эпидемиями, голодом, которые влекли за собой человеческие жертвы, значительные материальные потери, нарушение условий жизнедеятельности людей. В этих условиях власть меняла привычные способы функционирования общества, вводила по отношению к подданным специальные правила, регламентировавшие их повседневную жизнь. Стремясь пополнить государственную казну и уменьшить бремя расходов на преодоление последствий чрезвычайных ситуаций, правительство прибегало к внутренним займам, многочисленным сборам с населения, в частности, с купечества, обладавшего большими капиталами, инициировало пожертвования.

В обычной повседневной жизни, как отмечают ученые, купцы в основной своей массе отнюдь не стремились жертвовать деньги на благотворительные нужды, а само движение благотворительности не было массовым. По подсчетам исследователя Л.М. Свердловой, «за весь XIX в. из более чем трехтысячной армии казанского купечества едва ли наберется и сотня купцов, которая принимала активное участие в благотворительных

акциях» [16, с.264]. Так, например, Приказ общественного призрения несколько раз обращался в Казанскую татарскую ратушу за денежной помощью для находившихся в его ведомстве учреждений, но каждый раз встречал сопротивление подведомственных ратуше татар-мусульман, полагавших для себя неприемлемым оказание поддержки церкви и православному государству, и только благодаря готовности некоторых купцов пойти на компромисс были собраны определенные суммы денег [16, с.274–275]. Филантропическая деятельность части купечества была подчинена их социальным амбициям, с ее помощью они рассчитывали добиться высокого общественного положения [15, с.106]. В повседневной жизни благотворителями на регулярной основе были купцы, являющиеся глубоко верующими людьми, следовавшими канонам религии. О тех, кто хотел совершить милостыню тайно, в архивных документах сохранилась такая запись: «Сверх того, неизвестный благотворитель пожертвовал...».

Центральным событием первой четверти XIX в., вызвавшим особо неблагоприятные и угрожающие факторы для жизнедеятельности общества, стала Отечественная война 1812 г. Практически сразу зазвучали призывы к патриотизму – был напечатан и разослан текст императорского манифеста от 6 июля 1812 г. «О сборе внутри государства земского ополчения» [13, с.388], затем он был переведен на татарский язык и разослан в количестве 200 экземпляров в учреждения, находившиеся в Казани и за ее пределами. По мнению губернатора Б.А. Мансурова, это «сделалось виною сильного впечатления на сердца сих иноверцев и открыло усерднейшее поревнование к пользам отечества» [4, с.362–363].

Вторжение армии Наполеона в Россию совпало со временем подготовки купечества к Макарьевской ярмарке и оказало большое влияние на количество ее участников (к началу XIX в. это самое крупное место торга, товарооборот которого достигал 30 млн руб.). В 1812 г. из Казанской губернии на ярмарку выехал 51 торговец (для сравнения: в 1811 г. – 173), приехавшими было занято 78 лавок (в 1811 г. – 256) [7, с.113]. 25 июля в Макарьевском Желтоводском монастыре был заслушан императорский манифест «О воззвании всех сословий на защиту Отечества» и состоялся молебен о даровании победы над врагом.

С 7 по 10 августа был организован сбор средств на нужды ополчения, поступающие суммы фиксировались в «Книге конторы строения Макарьевского гостиного двора». Сбором денег с торговцев татарского и мыльного рядов занимался казанский купец 1-й гильдии Муса Апанаев: ему удалось собрать 5190 руб., а от себя лично он добавил 520 руб.¹ Собранная сумма состояла из добровольных и разных по величине (от 20 до 400 руб.)

---

¹ Апанаевы – промышленники, торговцы, землевладельцы, происходившие из служилых татар. Муса Измаилович Апанаев щедро жертвовал на нужды немущих, ежегодно вносил по 50 руб. в «Казанский попечительный о бедных комитет ведомства Императорского человеколюбивого общества» [5, с.68].

взносов купцов Арска, Мамадыша, Казани, Астрахани, Ростова и других городов и не зависела от принадлежности торговцев к той или иной гильдии. Казанский мещанин Борис Котелов собрал 1314 руб., от себя добавил 200 руб. [9, с.69–71]. Можно предположить, что инициатива сбора денег принадлежала Нижегородской ярмарочной конторе, в архиве которой и сохранилась указанная книга.

21 августа, после возвращения купечества с ярмарки, в Казанском городском магистрате по предписанию Мансурова состоялось заседание купечества. Из Казанской татарской ратуши туда пришли глава Старой и Новой татарских слобод Ю. Китаев, представители купцов. По результатам заседания был вынесен общественный «приговор»: «...Внести с объявленного всем казанским купечеством на нынешний 1812 год капитала по 2 копейки с рубля, в том числе и с подведомых сей ратуше купцов всех трех гильдий 8360 рублей» [2, л.244].

На заседании Казанской татарской ратуши, состоявшемся 26 августа 1812 г., постановили: «Купцы... единогласно и из доброй воли изъявляют на такое пожертвование особенное согласие их, сверх того, предоставляют от лица каждого желающего от их избытков жертвовать особо и кроме предположенного предвышним правительством» [2, л.247]. В сборщики денег был избран Ахмет Заманов², которому выдали специальную книгу для записи жертвуемых купечеством сумм. Таким образом, независимо от полученного предпринимательского дохода, купец 1-й гильдии должен был в виде пожертвований внести 1000 руб., 2-й гильдии – 400, 3-й гильдии – 160 руб. Данные суммы были значительными, их можно сопоставить с ежегодным взносом за купеческое свидетельство: с 1807 г. купцы 1-й гильдии вносили в казну 625 руб., 2-й гильдии – 250, 3-й гильдии – 100 руб.

Отметим, что подобная ситуация наблюдалась и в других губерниях – так, в Нижегородской городской думе гражданский губернатор А.С. Крюков в июне 1812 г. предложил взимать с объявленных купцами капиталов с каждого рубля по 4%. Всего планировалось собрать до 25000 руб. В дальнейшем сумма «принудительно-добровольных» пожертвований увеличилась – в июле 1812 г. Крюков предложил брать с каждого купца и мещанина по 3 руб. Деньги направлялись ярославскому гражданскому губернатору, за вычетом платы на пересылку денег в Ярославль (0,5%), курьерские посылки, пересылку сумм из некоторых уездных городов в губернский город по почте [8, с.17–35].

---

² Ахмет Заманов – купец 2-й гильдии, имевший в Плетенях мыловаренный завод, размещавшийся в каменном двухэтажном здании стоимостью 15000 руб., на котором производилось до 5000 пудов продукции; купец являлся одним из самых крупных владельцев недвижимости на главном хлебном рынке Казани. За активную предпринимательскую деятельность Ахмет был награжден несколькими наградами, в том числе малой похвальной медалью [17, с.18–19].

Казанский комитет пожертвований надеялся к 5 октября получить с приписанных к Казанской татарской ратуше купцов и мещан 8360 руб., а также деньги по свободной подписке, всего 8808 руб. 90 коп. [2, л.285]. Однако, как свидетельствуют архивные источники, сбор денег затянулся надолго. Современники выделяли несколько причин такого явления: одни купцы жаловались Заманову на отсутствие в наличии денег, другие – на отсутствие продажи товаров (что, кстати, подтверждается всем ходом торговли на Макарьевской ярмарке в 1812 г.), часть – на то, что их должники не возвращают им долги, и все просили «ко исправлению их несколько времени отсрочки».

Характеризуя создавшуюся обстановку, необходимо отметить, что пожертвования на военные нужды в 1812 г. не были единовременными – 3 июля, накануне отъезда купечества на Макарьевскую ярмарку, завершился сбор средств на содержание Костромского 2-го пехотного полка (по 1% с объявленного рубля), тогда с предпринимателей было собрано 4100 руб. На фоне непростой экономической ситуации выплата неоднократных пожертвований могла негативно сказаться на бюджете купцов, ограничить масштабы их коммерческих операций и вызвать перспективу банкротства. Это явилось одной из причин пассивного сопротивления с их стороны.

В течение полутора месяцев сборщики не смогли собрать деньги с 20 семейств купцов всех 3-х гильдий (67% от общего количества семей, приписанных к Казанской татарской ратуше), и с 61 души мещан (57%). На купцах оставалось недоимки 4520 руб., а на мещанах – 163 руб. Чтобы исправить ситуацию, ратуша предписала сборщикам составить реестр должников и представить его в полицию, которая должна была через квартального офицера убедить неплательщиков в том, что «приносимья ими жертва не только послужит в пользу отечества и заменит нужду государственную, но и самих их обезопасит от нападающего врага» [2, л.287].

Полицией в ратушу был доставлен один из неплательщиков пожертвований, купец 3-й гильдии М.Пономарев. С него были взяты письменные показания о том, по какой причине он «пришел в неимущество», «куда объявляемый им ежегодно по 3-й гильдии по совести осмитысячный капитал употребил, в торгопроизводстве ли оный у него обращается или совсем его не имеет, а если в торгах³, то через продажу их непременно и в скором времени выручил бы положенные с семейства его на пожертвование деньги 160 рублей и внес бы их в ратушу, через что себя избавил бы от дальнейшего по законам взыскания» [2, л.307 об.]. Здесь важно отметить, что законодательство не предусматривало проверку достоверности поданных купцами сведений при вступлении в одну из трех гильдий, власть не могла принимать доносы и производить следствия по поводу

---

³ Так в тексте источника. Вероятно, следует: в товарах.

утайки капиталов, поэтому очевидно, что действия ратуши шли вразрез с Городовым положением 1785 г.

После подобного разбирательства купцы стали более активно сдавать деньги. 6 ноября 1812 г. в Комитет пожертвований из ратуши поступило 1480 руб. К 8 ноября 1812 г. купеческие долги перед комитетом составили всего 310 руб. [2, л.319–320].

Поиск должников продолжался и в последующие годы, когда война официально закончилась. В 1815 г. была составлена «Ведомость о пожертвованиях казанских купцов». По «приговору» было положено собрать 74680 руб., собрано 59127 руб. (т.е. 79%). Из этой суммы большая часть была собрана сборщиками, которые лично обходили дома (54598 руб., или 92%), остальная сумма – Городской думой (4529 руб., или 7,7%). Таким образом, мы видим, что в 1812 г. некоторые купцы сразу отдавали свои деньги на нужды ополчения, не желая вступать в конфликт с органами власти, другие, вероятно, под влиянием патриотических чувств – добровольно, прочие выбрали выжидательную тактику, пассивное сопротивление, вследствие чего процесс сбора пожертвований затянулся, и было решено осуществлять его при помощи административного нажима.

Другим экстраординарным событием первой половины XIX в. была эпидемия холеры, вспыхнувшая в сентябре 1829 г. в Оренбургском крае. По мнению современников, она возникла от «злоупотребления плодов и от влияния сырой и холодной погоды», или от проникновения в Оренбург хивинских и бухарских караванов (впоследствии эта версия была отвергнута, так как купцы и приказчики, неоднократно распаковывавшие товары в пути для их реализации, как правило, не заболели) [12, с.25–37].

В октябре 1829 г. группа медицинских чиновников, в том числе статский советник, профессор К. Фукс, приступила к разработке мер против холеры, среди которых важное место занимали следующие проекты: карантинное оцепление мест, где была обнаружена болезнь; ежедневный обход жителей (с целью выявления заболевших и обеспечения их изоляции силами купцов и полицейских чиновников); разделение городов Казанской губернии на кварталы (Чистополь и Лаишев на 2, Казань – на 5 кварталов) [6, с.749]. Эти мероприятия были утверждены министром внутренних дел А.А. Закревским и вписывались в высочайше утвержденный карантинный устав от 21 августа 1818 г. [14, с.514–515].

В первом квартале Казани купцы Алексей Шогин, Антон Кондырин осенью 1830 г. каждый день посещали дома обывателей, «внушая им содержать оные в чистоте и опрятности, и немедленно принимая деятельные меры в рассуждении заболевших». Во втором квартале помощник комиссара купец Иван Орлов также ежедневно навещал жителей «низшего класса, обыкновенно не заботящихся об опрятности и чистоте воздуха в своих жилищах, и настоятельным им внушением употреблять меры предосторожности, предписанные правительством...» [6, с.758].

Во время обходов купцы сталкивались с нежеланием жителей впускать их на свою территорию. В третьем квартале Казани проживали преимущественно татары, которые скрывали своих больных от взоров правительства («по пагубному для них предрассудку»), чуждались больниц и лекарств, предлагаемых русскими медиками. Татарский купец Нугуман Галеев, совершавший обходы с 10 октября по 7 ноября, «особенно был полезен для своих единоверцев», используя «возможные средства и всю силу убеждения принимать лекарства и пособия от медиков, соблюдать в домах чистоту и опрятность, исправлять в оных воздух и исполнять другие, предписанные правительством, меры предосторожности против эпидемии». Помогал ему в этом квартальный надзиратель Ибрагим Зайтов. Галеев и Зайтов, пользуясь доверием своих единоверцев, внушали им откровенно заявлять о заболевших, отправлять их в больницу.

Посещая дома, купцы не могли не столкнуться с ужасающей нищетой местных жителей, не могли не увидеть проблемы глазами бедняков. Это подтолкнуло некоторых из них к актам милосердия. Упомянувшийся выше Иван Орлов, делавший обходы, раздал бедным жителям квартала более 300 руб. [6, с.758].

Купеческий сын Гавриил Чепарин был помощником комиссара по третьему кварталу второй части Казани с 29 сентября по 7 ноября 1830 г., приобретал за свой счет лекарства, которыми пользовались медики Зайцев, Максимов, Пупырев, Фукс, чем «сохранил жизнь многим как заболевшим холерой, так и страждущим другими болезнями» (лекарства для жителей-мусульман третьего квартала также выписывались на его счет); он содержал в комиссарстве собственную лошадь для немедленного отправления лекаря к больным; для предотвращения голода в семействах бедных жителей, следствием чего также могли быть болезни, пожертвовал для них 25 кулей ржаной и 10 кулей пшеничной муки (в каждом куле было по 9 пудов).

В 1831 г. купчиха – вдова Габиды Китаева отдала свой дом, находившийся в Плетенях вблизи собственных мыловаренных заводов, с целью организации больницы для больных холерой, о чем доложила главе обеих татарских слобод, бургомистру Казанской татарской ратуши Баширу Суерову. Содержать больницу вызвались «из усердия и человеколюбия» казанские 1-й гильдии купеческие дети Валей Баширов Аитов⁴ и Ибрагим Губайдуллин Юнусов, подведомственные ратуше.

---

⁴ Башир Аитов – купец 1-й гильдии, имел «завод» в Новой татарской слободе, который в 1818 г. перерабатывал до 15 тысяч кож; в Казани он торговал в трех лавках на Сенной площади, выезжал с товаром на все крупные ярмарки Поволжья, Урала и Сибири; жил в каменном доме вблизи оз. Кабан, оцененного в 7 тыс. руб. Ежегодно делал пожертвования в «Казанский попечительный о бедных комитет ведомства Императорского человеколюбивого общества» по 50 руб. [5, с.68].

Больница состояла из двух комнат – отдельно для мужчин и для женщин, была рассчитана всего на 10 человек. Купцы приобрели для нее 10 кроватей, столько же тюфяков, подушек, простыней, одеял, холщовых рубах, шерстяных колпаков, 10 пар туфель, шерстяных чулок, 5 нанковых халатов. Из обстановки в больнице было 2 стола и 5 простых деревянных стульев, фонарь, она была оснащена посудой, ведрами, ковшами, ушатами, лопатами и прочим инвентарем [6, с.775–776]. За больницей была закреплена лошадь с упряжью. Купцы, оснастив лечебное учреждение всем необходимым на первое время, выражали и дальше готовность содержать его. Туда был назначен комиссар для соблюдения должного порядка, попечитель, инспектор 3-й части майор Морцепанов, а также ветеринар Соколов. Открытие больницы было очень своевременной мерой, позволившей обеспечить лечение заразной болезни и уменьшить распространение эпидемии. Отметим, что согласно рапорту инспектора Дунаева, в 3-й части Казани заболевших было всего 9 человек.

Интересна реакция властей на проявленную купечеством инициативу. Во-первых, Аитову и Юнусову была объявлена благодарность «за человеколюбивое и сострадательное к бедствиям человечества усердие», во-вторых, было отмечено усердие комиссара – губернского землемера Соколова, который «склонил некоторых достаточных людей к денежному пособию неимущим, чем соблюдал казенный интерес и не отягощал комиссию по продовольствию» [6, с.757]. Стремление сохранить бюджетные деньги проявилось и в поведении казанского гражданского губернатора, который от лица Казанского губернского комитета по борьбе с эпидемией холеры предложил купцам принять на себя оплату труда фельдшера и четырех смотрителей по 50 коп. в сутки, на что Аитов и Юнусов согласились. Они сами определили в больницу четырех служителей – двоих мужчин и двух женщин (все из мещанского сословия).

Правительство привлекало купечество и к содержанию управленческого аппарата по борьбе с эпидемией. Помощник комиссара 1-го квартала г. Казани, купец Петр Корюкин поместил комиссарство в своем доме без всякой за то платы. В 1831 г. инспектор Дунаев рапортовал: помощники комиссара 3-го квартала купцы – казанский Кашаев и ярославский Бирюзин, кроме ревностного исполнения возложенной на них должности, подписались на свой собственный счет: 1) содержать при комиссарстве лошадь с пажем для разъездов комиссара, 2) покупать нужное для канцелярии количество сальных свечей, писчей бумаги и других канцелярских принадлежностей, 3) осуществлять оплату труда троих прислужников и двух прислужниц, отряженных в комиссарство для ухода за больными и прочих действий (оплата по 50 коп. в день каждому лицу), 4) доставка бедным жителям необходимого количества дров, воды, жизненных припасов в случае оцепления их домов. Всего купцы Кашаев и Бирюзин истратили на благотворительные нужды 592 руб. [6, с.760].

Направленные на борьбу с эпидемией пожертвованные купечеством суммы хранились в Приказе общественного призрения и выдавались попечителям кварталов для продовольствия оцепленных жителей.

Исправляющий должность казанского гражданского губернатора, с разрешения министра внутренних дел графа Закревского от 23 ноября 1830 г., начал составлять список купцов для последующей награды. Инспекторы каждой части Казани должны были предоставить ему свои списки. Формуляр списков состоял из трех частей: «звание, имена и фамилии», «с какого и по какое время трудились», «какое кто оказал усердие при исполнении порученной ему должности», или второй вариант – «как исправлял оную». Эти сведения позволяют полнее раскрыть тему купеческой благотворительности в период эпидемии.

М.В. Полиновский, бывший инспектором 2-й части, отметил: «Купецкий сын Гавриил Чепарин был один из ревностнейших подвижников к пользе общественной и ко благу своих сограждан, и хотя не завел больницы, но изъясненными пожертвованиями, при содействии комиссара и прочих своих сотрудников, был не менее полезен страждущему человечеству. От того в сем квартале всегда почти было менее больных, нежели в прочих; чему могут служить доказательством ежедневные ведомости» [6, с.759].

Из списка, составленного инспектором И. Дунаевым, мы видим, что купцы Павел Лихачев, Петр Золотарев, Петр Докучаев, Александр Бердников, Иван Кожевников, Иван Бирюзин, Константин Рогатнев, Мухамет Кашаев, Искак Галанский, Мустафа Файзуллин, Хусаин Апанаев, Ахмет Заманов, Василий Баширов Аитов помощниками комиссара являлись со дня открытия комиссарства до начала ноября 1830 г., исправляли поручения «очень усердно», купец Макар Щербаков, служивший со дня открытия комиссарства по 14 октября, – «усердно» [6, с.761]. О многих купцах была сделана запись: «весьма усердны и деятельны по службе». Среди них – помощники комиссара в первом квартале Казани Александр Серебренников, сын купца 1-й гильдии Иван Крупеников, во втором квартале – Никифор Урванцов, Яким Коровин, в третьем – Месетников, Антонов и др. [6, с.763].

Усилия местного губернского начальства не остались незамеченными: в частности, орденом Владимира 4-й степени за труды во время борьбы с холерой 1830 г. был награжден упоминавшийся нами М.В. Полиновский. К наградам были представлены все комиссары, участвовавшие в мероприятиях, направленных на прекращение холеры, а также купец Орлов и купеческий сын Дмитрий Чепарин.

Еще одним бедствием для населения являлись пожары, вспыхивавшие в Казани на протяжении первой половины XIX в. несколько раз. Так, 3 сентября 1815 г. площадь пожара распространилась на 8 верст в окрестностях города, сгорело 1,5 тыс. домов. 24 августа 1842 г. пожар начался в доме купца Щербакова, за 2 дня была уничтожена центральная часть города, усадьбы, дома в Забулачье; сгорело 1309 зданий, убытки исчислялись миллионами рублей. Крупные пожары произошли в городе также в

1847, 1848 и 1859 гг. [10, с.658]. Властью в таких случаях организовывались всероссийские подписки в пользу казанских жителей, лишившихся домов и имущества. Иногда государство, чтобы поддержать купцов, уменьшало их повинности: в 1842 г., после пожара, было принято решение взимать лишь половину гильдейских повинностей [11].

От пожара 10 июня 1847 г. пострадало 854 семейства, в том числе 110 домохозяев и 744 семейства, не имевших недвижимой собственности. Купечество откликнулось на призыв казанского губернатора И.А. Баратынского помочь потерпевшим и, как следует из рапорта казанского городского головы Докучаева от 22 июля 1847 г., пожертвовало серебром 5357 руб. 43 коп. [6, с.710–711]. Из этой суммы часть пошла на выдачу погорельцам бесплатного печеного хлеба (165 руб. 92¼ коп. серебром), другая часть поступила в распоряжение военного губернатора вместе с реестром жертвователей и вносимыми ими суммами. Собранные средства были распределены среди погорельцев после получения от попечителей удостоверения, в котором была обозначена сумма потерянного имущества. Попечители избирались из дворянства и купечества.

Специально созданный комитет, состоявший из начальника губернии, уездного предводителя дворянства, вице-губернатора, полицеймейстера, градского главы и нескольких почетных лиц дворянского сословия и купеческого общества, распределял собранные пожертвования, предусмотрев выплаты в три этапа: в первый раз выдавалось по 10 коп. за каждый рубль потери, второй раз – по 9 коп., в третий раз – по 7 коп. Часть суммы планировалось выдать натурой, в виде леса. Посobie предназначалось для тех, кто изъявлял желание строить дома вновь [6, с.711–712].

Иногородние купцы также оказывали посильную помощь – Ростовцев, Плешанов, Василий Плигин, Жирнов и приказчик купца Гарлинова «с товарищами» в самый день пожара вручили генерал-губернатору «первые два по 1000 рублей, а последний 3200 рублей» для раздачи более нуждающимся «в пособие». Однако не вся сумма, которую жертвовали на помощь погорельцам, шла непосредственно и безвозмездно в их руки. Генерал-губернатор И.А. Баратынский сообщил министру внутренних дел Л.А. Перовскому в 1849 г. (!), что от пожертвований в пользу пострадавших во время пожара 1842 г. остались деньги, и нужно раздать их на 5 лет в виде беспроцентной ссуды, но затем (через неделю) передумал, увидев, что в связи с пожаром 1847 г. пожертвования поступили вновь, и к этим деньгам добавились суммы из страховых обществ. Баратынский предложил тем, кто пожелал возвести новые строения, выдавать пожертвованные деньги в виде ссуды, из расчета 4% годовых, чтобы «сохранить доход, получаемый на сей капитал из Приказа общественного призрения» [6, с.715–716].

Благотворительная деятельность казанских купцов выходила далеко за пределы Казанской губернии. Важнейшим направлением торговой деятельности для татар-мусульман в рассматриваемый период являлась степ-

ная торговля (с казахами), а также коммерческие операции с жителями государств Средней Азии (Хивинское, Кокандское ханства, Бухарский эмират). Купцы и служилые татары Казанской губернии занимались меновой торговлей в Казахской степи (в 1830-е гг. там было 10 лиц купеческого сословия, торговавших от своего имени, а также 39 приказчиков и более 250 работников).

В 1856 г. казанский 2-й гильдии купеческий сын Гибаятулла Муртазин, торговавший в Гурьеве (ныне – Атырау), «войдя в бедственное положение прилинейных киргиз, лишенных способов пропитания вследствие падежа скота в прошлую зиму и возвышения цен на хлеб, раздал 127 беднейшим киргизским семействам по одному пуду муки безвозмездно, и, сверх того, понизил цену хлеба против прочих торговцев до 3-х рублей серебром за четверть» [1, л.5]. Г. Муртазину было на тот момент 34 года, торговать начал с 14 лет. За свой человеколюбивый поступок он, по инициативе оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского, был представлен к награде серебряной медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте.

Таким образом, отметим, что на фоне главной цели деятельности купцов – извлечения предпринимательского дохода – многие из них в условиях чрезвычайных ситуаций проявляли милосердие и сострадание к неимущим, стремились помочь, жертвуя часть своих капиталов на благотворительные цели.

Органы власти и должностные лица, стремившиеся избавить казну от дополнительных трат, оказали существенное влияние на развитие благотворительной деятельности купечества. Они делали призывы к милосердию и в Отечественную войну 1812 г., и в периоды эпидемии и пожаров, и в других чрезвычайных и экстремальных ситуациях, побуждая купцов делать определенные вложения.

Купечество (с одобрения местных властей) поощрялось званиями – известные в обществе и упоминаемые нами имена Котелова Петра Ивановича, Урванцева Николая Никифоровича, Коровина Якима Ивановича объединяет факт принадлежности к личному почетному гражданству. Петр Иванович Докучаев – потомственный почетный гражданин [3, л.1–34]. В 1833 г. в звание потомственного почетного гражданина был возведен купец Л.Ф. Крупеников. Таким образом, благотворительная деятельность позволяла купцу стать более заметным, повысить свой социальный статус, добиться для себя (а иногда и для своей семьи) льгот, сопряженных с принадлежностью к дворянскому сословию. С другой стороны, филантропия отвечала внутренним религиозно-нравственным запросам купечества, придерживавшегося норм и предписаний своей конфессии.

Источники и литература

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.7220.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.22. Оп.1. Д.36.
3. ГА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.2285.
4. Донесение казанского гражданского губернатора Б.А. Мансурова министру полиции А.Д. Балашеву о мероприятиях, проведенных в Казанской губернии по сбору ополчения // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов / под ред. д-ра ист. наук Л.Г. Бескровного. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
5. *Зиннатуллина Д.Г.* Роль частной инициативы в развитии системы общественного призрения Казанской губернии // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4–2 (64). С.67–70.
6. История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга III: Управление, бюджет, хозяйство / под ред. И.К. Загидуллина. Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2011. 820 с.
7. *Кореева Н.А.* Купечество Казанской губернии и Отечественная война 1812 года // Регионы России в военной истории страны: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 года / ред.-сост. О.А. Кошкина, Е.П. Кузьмин. Йошкар-Ола: МарНИИ-ЯЛИ, 2020. С.108–126.
8. Материалы по истории Нижегородского края в эпоху Отечественной войны 1812 г. Вып. 1. Финансы / под ред. С.И. Архангельского. Нижний Новгород: Типо-литография «Нижегородское печатное дело», 1916. 262 с.
9. Нижегородская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: сборник документов / сост. Е.Э. Лебедева, Д.С. Мочалов, Я.М. Хорошкин. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. 360 с.
10. *Новицкая И.А.* Пожары в Казани // Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х.Хасанов, ответ. ред. Г.С.Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. Т.4: М–П. 768 с.
11. Объявления и известия от г[осподина] казанского военного губернатора // Казанские губернские ведомости. 1843. №16. 17 апреля.
12. Описание холеры, в первых числах сентября 1829 г. явившейся в Оренбурге, составленное штаб-лекарем Соколовым // Журнал Министерства внутренних дел. 1830. Ч.4. Кн.4. С.1–76.
13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. Т.XXXII. №25176. С.388.
14. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XXXV. №27490. С.474–517.
15. *Салихов Р.Р.* Благотворительная деятельность татарского предпринимательства России (2-я пол. XIX – нач. XX вв.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №3–2. С.106–110.
16. *Свердлова Л.М.* Казанское купечество: социально-экономический портрет (конец XVIII – начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 319 с.
17. *Свердлова Л.М.* Купечество Казани: дела и люди. Казань: Матбугат йорты, 1998. 168 с.

Philanthropic activities of the merchant class
in emergency situations of the first half of the 19th century
(based on the materials of the Kazan province)

N.A. Koreeva

*Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies
of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article describes some aspects of the philanthropy of the merchant class in the periods during periods of emergency – during the Patriotic War of 1812, the cholera epidemic of 1830, 1831, famine, Kazan fires. There are significant gaps in the coverage of this topic, despite numerous studies of the history of philanthropic activities. Along with the organization of voluntary donations, the authorities practiced various methods of administrative pressure to replenish the treasury. Merchants were rewarded with medals and ranks for their acts of charity to their under-privileged compatriots. The study contains sources that are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Kazan province, Kazan, epidemic, cholera, charity, Patriotic War, fire, merchants.

For citation: Koreeva N.A. Philanthropic activities of the merchant class in emergency situations of the first half of the 19th century (based on the materials of the Kazan province). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 28–39 (In Russian)

Информация об авторе:

Корева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Koreeva Natalya Anatolyevna – Cand. Sci. (history), Researcher, Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).